

Александр Галич возвратился в Россию

Вст. клуб. - 1993. - ДОНОВО. - с. 3

19 октября на старой сцене Таганки театральная Москва праздновала день рождения Александра Галича — ему исполнилось бы 75 лет. Театр был переполнен гостями, друзьями и почитателями таланта знаменитого барда, поэта, актера и драматурга. В этот день здесь давали пьесу Александра Галича «Матросская тишина», спектакль по которой осуществил в своем театре-студии Олег Табаков.

...Впервые я увидела 22-летнего Сашу Галича (тогда еще Гинзбурга) в 1941 году перед войной в нашумевшем спектакле «арбузовской» студии «Город на заре». Он играл одну из главных ролей — комсорга строительства ортодокса Борщаговского, превратившего молодежную стройку в концлагерь.

В ту пору начинающий актер уже прошел школу последней студии Станиславского. Позже он играл во фронтовом театре политсатиры, но актерскую профессию оставил ради поэзии и драматургии. Судьба бросала его по городам и весям, часто бывала к нему несправедлива, но сам он легко и весело переходил от одного занятия к другому, пока наконец в 1961 году не взял в руки гитару и не запел свои стихи.

Пьесу «Матросская тишина» Галич начал писать в конце войны, весной 1945 года, а закончил только в 1956-м, после XX съезда, когда, казалось, наступила «оттепель», и Олег Ефремов надеялся, что пьеса эта после «Вечно живых» Розова станет второй премьерой будущего «Современника». Однако состоялась только одна «генеральная репетиция» во Дворце культуры комбината «Правда», куда, кроме автора, пропустили всего полтора десятка человек. Уже прошел слух, что пьеса запрещена и повсюду, где ее собирались ставить, репетиции прекращены.

Случилось так, что мне удалось попасть на эту самую «генеральную репетицию», так как мы с Н. Ф. Погодиным собирались напечатать «Матросскую тишину» в журнале «Театр» (где я тогда работала зав. отделом драматургии). Спектакль врезался в мою память так сильно, что я до сих пор помню эту лучшую пьесу Галича и, закрыв глаза, вижу, как блестяще играли в ней молодые актеры во главе с Олегом Ефремовым: Женя Евстигнеев, Игорь Кваша, Лиля Толмачева, Мила Иванова, Галя Волчек, Лёлик Табаков, тогда только делавшие свои первые шаги на сцене.

Хорошо помню и тех двух чиновно-партийных дам с «птичьими фамилиями» (Соколова и Соловьева), сидевших в первом ряду почти пустого зала. Они были посланы из ЦК и МК на операцию по запрещению «порочной» пьесы и громко возмущались тем, что автор, видите ли, рассказывает, «как евреи войну выиграли...». Разумеется, и пьесу, и спектакль зарубили, и нам напечатать ее не удалось.

И вот 37 лет спустя, 19 октября 1993 года, посевший Олег Табаков вышел на старую сцену Таганки и, заметно волнуясь, стал читать первые горькие строки повести Галича «Генеральная репетиция», как раз тем событиям и посвященной:

«Пусть во веки веков на этой земле, опозоренной грехом и гордыней, не вырастет, не пробьется к свету ни одна былинка. Горе тебе, Карфаген!» Олег Павлович читал, а в это время за его спиной уже освещались пустые деревянные клетки, в которые художник Александр Боровский заключил постановку.

Спектакль табаковской студии, подчиненный двум измерениям — времени и пространству, разворачивается по горизонтали и по вертикали. Судьба талантливого юного скрипача Давида Шварца из маленького еврейского городка Тульчина тесно связана с поворотными датами в истории страны — 1929 год, 1937 год, 1944 год, 1955 год (надеюсь, мне не надо напоминать читателю, что стояло за этими датами). Предваряя спектакль строками Маяковского — «С такую землю пойдешь на жизнь на труд, на праздник и на смерть!», режиссер ограничивает действие тремя актами (отсекая последний, мало удавшийся автору «наивно-патриотический» акт) и завершает все смертью героя в санитарном эшелоне.

Так из Тульчина — в Москву и в санитарный эшелон — стремительно несется действие по горизонтали, подгоняемое ветром времени, но за пределы сквозных клеток, коммуналок-вагонов, не выходит. Только мечта человеческая поднимается ввысь по

● 75-летие поэта
Москва
отпраздновала
на Таганке
● «Матросская
тишина» вновь
вышла на сцену
через 37 лет

вертикали вместе с музыкой Вивальди, Брамса, с мазуркой Венявского, песнями 30-х годов туда, где на пюпитре горят свечи и колыхаются цветы. Но достичь своей мечты герою не удается.

Кажется, что в Московской консерватории Давид стремительно поднимается по вертикали — его выдвигают на Всесоюзный фестиваль музыкантов-исполнителей, где он должен, ну непременно должен получить первое место.

Роль эту с отчаянным темпераментом тогда, 37 лет назад, играл Игорь Кваша, а теперь более прозаично, не так мечтательно и романтично — Александр Марин.

Как раз в этот совсем неподходящий момент в студенческое общежитие заявлялся из Тульчина отец Додика Шварца — Абрам Ильич, обвешанный сумками, и легкая вертикаль тяжело опускалась вниз: «Папа, зачем ты приехал?», — почти грубо спрашивал сын того, кто мучил его в детстве нудными упражнениями Ауэра на скрипке, того жуликоватого, вечно пьяного кладовщика, которого сын постоянно стыдился.

Абрама Ильича Шварца тогда — давно, с поразительным трагедийным юмором сыграл Евгений Евстигнеев, увидев в «маленьком человеке, похожем на плешивую обезьянку», несчастного мечтателя с Рыбаковой балки. Теперь у Табакова его талантливо, но по-своему понял Владимир Машков, став камертоном и оправданием всего спектакля, особенно в финальной сцене, когда отец является Давиду, лежащему на больничной койке. Как Господь Бог, отец спускается откуда-то с неба, сверху, от пюпитра с горящими свечами вниз, чтобы поведать смертельно раненному сыну о том, как погиб он сам в родном городе Тульчине. Как немцы погнали всех на вокзальную площадь и как перед расстрелом он успел ударить по морде убийцу-полицая детской скрипкой-половинкой, на которой учился играть упражнения Ауэра его маленький сын.

В этот почти мистический момент освещаются где-то в воздухе только полубезумные глаза исчезающего во тьме старика отца, а на белой простыне вытягивается его сын. Звучит его любимая мазурка Венявского, сверху по вертикали тихо спускается пюпитр с зажженными свечами и цветами, как надгробный венок, к ногам умирающего музыканта. Метроном его пульса постепенно затихает. Только паровозные гудки не умолкают, на стыках грохочут колеса, и где-то вдалеке звучит украинская песня.

Вот таким спектаклем был отмечен день рождения Александра Галича, поэта-романтика, барда-сатирика, писателя-философа с острым, глубинным чувством своей земли, своей родины. Об этом заговорили в унисон и каждый по-своему его друзья и близкие, актеры «Современника», игравшие в 1956 году «Матросскую тишину». После спектакля, подняв, не чокаясь, рюмки, все хотели помянуть добрым словом того, кто лежит на парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа и чья душа в тот день была несомненно с нами. Недаром, уезжая на чужбину, Александр Галич говорил: «Единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю. А уж мертвый-то я вернусь в нее наверняка».

Марианна СТРОЕВА,
доктор
искусствоведения.